

Инспекторская проверка – знаменательное событие в жизни воинского коллектива. Раз в пять лет в каждую воинскую часть приезжает строгая, но справедливая комиссия и выворачивает эту самую часть, что называется, наизнанку. Проверяется буквально всё. Даже то, о чем командование воинской части вспоминает уже в ходе проверки. Соответственно и подготовка к инспектированию начинается, как и положено – заблаговременно: составляются планы, назначаются исполнители, ответственные и контролирующие должностные лица. Все было бы чудесно, но армия – это неотъемлемая составляющая нашего российского общества. Плановое мероприятие по мере сокращения срока до начала проверки переходит в разряд «внезапных» со всеми вытекающими последствиями. И поэтому подготовка к инспектированию заканчивается, а точнее обрывается, с приходом комиссии.

Последствия инспекторских проверок, как правило, одинаковы: либо отцы-командиры становятся «молодцами» и включаются в резерв на выдвижение, либо по ним делают оргвыводы, и они числятся кандидатами для затыкания кадровой прорехи в какой-нибудь географической дыре.

На этот раз командир дивизии решил не пускать дело на самотек, а лично посетить по устно-

му докладу готовый к инспекции полк накануне приезда комиссии. Черная «Волга» миновала ворота КПП и застыла возле шеренги командования полка. Из машины вышли генерал и сопровождающий его офицер.

– Ну что, готовы к инспекции? – старший командир пожал каждому руку.

– Так точно, – заверил за всех командир полка.

– Ну, тогда показывай, что вы тут наготовили.

В первую очередь процессия направилась в расположенное неподалеку караульное помещение. Начальник караула бодро доложил высокому гостю, что «в отсутствие него не случилось ничего». В караулке все было чин по чину: в пирамиде поблескивало вычищенное оружие, на пульте тревожной сигнализации светились лампочки, бодрствующая смена сидела и читала книги.

– Как служится, бойцы? Хорошо? – уточнил генерал.

– Так точно, – дружно ответили вскочившие солдаты.

– Как кормят в карауле? Неплохо?

– Так точно, – прозвучал уставной ответ.

– Выходит, неплохо, – сделал вывод комдив.

– Выходит неплохо, а входит не очень, – чуть слышно пробормотал старослужащий.

Но генерал уже заинтересовался наименованиями книг, которые минуту назад листали караульные. «Квантовая механика», «Терапия внутриполостных инфекций», «Философская парадигма Древнего Китая» значилось на корешках книг.

— Откуда здесь эти книги? — недоуменно взглянул он на офицеров.

— Шефская помощь университета, — доложил заместитель командира полка по воспитательной работе.

— Вы бы еще книг на арабском языке набрали. Попроше шефов не могли найти? — И уже обращаясь к солдату: — Сынок, ты хоть чего-нибудь понял в этой книжке?

— Так точно, — незамедлительно прозвучал ответ.

— Ну, тогда расскажи, о чем ты прочёл.

— Исходя из принципа относительности времени и пространства, можно гипотетически предположить ...

Генерал ошалело смотрел на бойца, строчившего научными понятиями как из пулемета.

— И ты можешь всю книгу пересказать?

— Никак нет, — тянулся в струнку солдат. — Мне товарищ ефрейтор в этом месяце поручил выучить наизусть только первых десять страниц.

Генерал нахмурился и повернулся к притихшим офицерам.

— Начальник штаба, тебе что — ЧП в карауле не хватает? Как солдат на посту будет службу нести, если у него в голове время и пространство не совпадают? Да из-за таких книг разрыв мозга получить можно или грыжу мозжечка. Немедленно изъять эти книги. Пусть их вон замполиты нарушителям воинской дисциплины читают в наказание.

А в карауле солдат должен читать только устав. Днем и ночью. Зимой и летом. Всем понятно?

— Так точно, — дружно гаркнули солдаты.

Генерал отворил дверь с табличкой «Медицинский пункт полка» и шагнул внутрь. Пропахшее лекарствами помещение, как и полагается медицинскому учреждению, было светлым и чистым. Возле процедурной на лавочке сидели трое больных в подшитых белыми воротничками больничных пижамах. Проверяющий огляделся и, удовлетворённо хмыкнув, потянулся к ручке входной двери. Но его растопыренная ладонь застыла в воздухе. Медленно, как бы боясь что-то испугнуть, он повернулся к ожидающим приема солдатам. Так и есть. Не причудилось. На ногах у солдат плюшевые тапки с объемными мордами животных: заяц, собака и поросенок.

— Это что? — генеральский перст указал на ноги застывших солдат. — Где начмед?

— Начмед! — громогласно разнесся многоголосый крик офицеров полка.

Из-за ближайшей двери высунулась ушастая голова.

— Боец, где начальник? — тон заданного генералом вопроса не предвещал ничего хорошего.

— Я начальник, — вслед за головой в коридоре материализовалось тщедушное тело в белом халате.

— Так если ты начальник, то представляйтесь как положено.

Начмед, печатая шаг, подошел вплотную к генералу:

— Товарищ генерал! Начальник медицинской службы ...

— Доктор! — оборвал его старший начальник. — Ты откуда такой взялся?

– Два месяца назад закончил медицинский институт и распределен в нашу... в вашу... в войсковую часть.

– Два месяца. Тогда понятно, – генерал обреченно махнул рукой. – Запомни раз и навсегда. Для доклада начальнику останавливаются за три шага до него, а не губы в губы, глаза в глаза. Если я тебя облобызать захочу, то сам подойду. Два шага назад шагом – МАРШ.

Хозяин лазарета сделал два шага назад, но его военные туфли остались на месте. Хорошие такие черные уставные туфли с обрезанными задниками. Вроде бы военная обувь и в то же время шлепки. Ну это смотря с какой точки зрения смотреть.

– Это что? – генерал уставился на пару обуви.

– Туфли, товарищ генерал, – четко отрапортовал начмед.

– Я вижу, что не валенки, – повысил голос комдив. – Почему в таком виде?

– Для того чтобы в покое ноги отдыхали. С медицинской точки зрения ...

– Какая на фиг медицинская точка зрения, – не выдержал старший начальник. – Сынок, ты же в армии. А здесь все делается по приказу. Дадут приказ обувь резать, значит, выйдет весь полк на плац и будет государственное имущество кромсать. Скажет тебе начальник кальсоны шириной на заду носить, так и будешь ходить. Ты понял?

– Понял, – медик топтался на месте босыми ногами.

– Ладно. С этим разобрались. Если по поводу тебя существует медицинская, то объясни, здесь какая точка зрения? – он указал на обувь лечащихся солдат.

– Заместитель командира по воспитательной работе на совещании сказал создать для больных приближенные к домашним условия. Вот я и подумал ...

– Каким местом ты подумал? Это же солдаты. А ты здесь пионерский лагерь устроил. А как им завтра после этого в бой идти?

Начмед и бойцы стояли, одинаково понурился стриженные головы.

– Зайка, на укольчик, – раздался женский голос из процедурной.

Солдат в тапочках с заячьей мордой было дернулся к двери, но, передумав, остался на месте. Генерал, прикрыв глаза, тихо застонал.

– Нет, у тебя здесь не пионерский лагерь. У тебя – детский сад, – и уже обращаясь к солдату. – Как звать тебя, боец?

– Зайка, – пролепетал болящий, зардевшись от внимания столь высокой особы.

Комдив зарычал и, сжав кулаки, повернулся к отшатнувшимся от него офицерам полка. Переполюнявшие эмоции не позволяли ему выражаться членораздельно. Далее должны были начаться жертвы, разрушения и другие последствия необузданной стихии. На лице замполита воинской части мелькнула вспышка озарения и, вспомнив комиссарский долг своих предшественников – принимать огонь на себя, он шагнул вперед из общего строя.

– Товарищ солдат, представьтесь по полной форме, – обратился он к военнотружущему.

– Стрелок второго взвода первой роты рядовой Зайка Иван Михайлович, – отгарабил солдат без запинки.

Командир полка и его замы облегченно выдохнули. Генерал постепенно приходил в себя, но

возможность внятно выразиться запаздывала.

— Командир ... этот... цирк... нах... — и поняв, что озвучить мысль не получится, он жестом что-то разорвал в клочья и, махнув рукой, вышел из помещения.

Казарма встретила гостей чистотой и молодцеватым докладом дежурного по роте. Взгляд военного человека радовали параллельность и перпендикулярность размещения мебели и иного имущества. На каждой вещи присутствуют таблички строго определенной формы, размера и цвета. Пост дневального укомплектован в соответствии со строгими требованиями: уставами, которые дневальному нельзя читать на посту; керосиновой лампой, запасной фитиль для которой можно найти только в краеведческом музее; флажками, подаваемые которыми сигналы в полку не знал никто. На подоконниках размещалось по два цветка в однообразных горшках (ни в коем случае не больше, иначе вся боеготовность подразделения рушилась напрочь). К сожалению, комнатные растения не были однообразны, как и солдаты подразделения не являлись близнецами, но это допускалось в виде исключения. Плакаты со служебной документацией и наглядной агитацией размещаются на строго установленном от пола расстоянии. А то, что текст верхних документов можно прочитать только в бинокль, то в армии это не являлось проблемой. Никто же не запрещает солдату в личное время пройтись с табуреткой по казарме и почитать, о чем наверху мелким шрифтом написано.

Успокоенный общим благолепием командир дивизии завершал обход казармы.

— Командир, — обратился он к командиру полка. — Хотя что-то хорошее, наконец-то, я смог увидеть.

Он остановился возле крайней кровати.

— Молодец ротный. И старшина молодец. Сразу видно, что готовились. Ну что, старшина, готовились?

Не глядя, комдив открыл тумбочку и выдвинул ящик для туалетных принадлежностей. Каждый убеленный сединами военачальник начинал военную службу юным лейтенантом, и с тех давних пор навыки проверки внутреннего порядка намертво впечатаны в его подсознании.

— Так точно, готовились, — старшина светился от похвалы. — Днем и ночью готовились.

Генерал потянул крышку мыльницы, чтобы проверить её содержимое. Крышка не сдвинулась с места. Тогда он приложил еще большее усилие и ... ящик со всем содержимым повис в воздухе.

— Молодцы, что готовились, — задумчиво произнес проверяющий и, уже озаренный догадкой, добавил. — Молодцы, и что же это вы тут приготовили?

Более тщательное исследование прояснило, что все туалетные принадлежности намертво приклеены эпоксидной смолой к выдвижному ящику.

— И как вы это объясните?

Выдвижной ящик возник в непосредственной близости от старшинского носа.

— Товарищ генерал, иначе нельзя. Солдаты-свиньи моются и моются, целый день плещутся. Во время проверки все смылят враз. А так все на месте, чинно и благородно.

— Так что они у вас, не будут умываться из-за инспекции?

– Никак нет, – отчеканил старшина и, чтобы не получилось двусмысленности, добавил: – Так точно.

Генерал, ничего не поняв из философского ответа старшины, решил лично разобраться во всем. В районе умывальника была отловлена жертва для ненаучного эксперимента. После команды старшины: «К утреннему умыванию приступить» – солдатик ринулся к раковине. Из нагрудного кармана появилась зубная щетка в критической стадии облысения, из кармана штанов извлечен завернутый в обрывок газеты обмылок хозяйственного мыла. Подопытный обильно намылил уши и стал возюкать щеткой по зубам. В процессе умывания выяснилось, что для чистки зубов на взвод была выдана банка с зубным порошком, который уже закончился. Утренняя гигиеническая процедура завершилась вытиранием солдатского лица подолом майки. В ходе недолгого разбирательства по поводу использования элемента одежды не по назначению выяснилось, что все полотенца кольцами пришиты к спинкам кроватей «во избежание хищения, утери, падения» и прочих паранормальных явлений.

Итогом так хорошо начавшейся проверки внутреннего порядка в казарме стало устранение офицерами и старшиной роты недостатков работы по недопущению недостатков.

К полудню проверочные страсти накалились, и командир полка, дабы остудить эмоции, под видом проверки столовой решил гостя накормить. Любимое начальство повели в «греческий зал» – помещение для приема пищи VIP-

гостями и проведения застольных мероприятий, где разносолы уже приятно радовали глаз обилием и разнообразием. Но своенравный генерал нарушил сценарий и, изъявив желание снять пробу из солдатского котла, направился к главному входу в столовую.

В это время прапорщик – начальник столовой, проклиная себя за вчерашнюю лень и комдива за несвоевременность приезда, перетаскивал из «греческого зала», который обычно служил ему личным кабинетом, хранилищем для припасов и местом для послеобеденной дремы, коробки с тушенкой в зал для приема пищи личным составом, дабы не попасть под надзирающее око. Курочка по зернышку, прапорщик по баночке – вот и накопилось два ящика, которые давно надо было переправить в домашние закрома.

Двери основного входа в столовую были покрашены вчера вечером. Они радовали глаз глянцевым блеском и раздражали нос резким запахом. Красили их добросовестные солдатики. Сказали покрасить двери – они и покрасили. И полотно двери, и петли, и ручки. Сказали в два слоя – покрасили в два слоя. А то, что дешевая краска три дня сохнет, то это проблема тех, кто краску покупал, и тех, кто за эти ручки будет братья.

«Засаду» с крашеными ручками первым просек заместитель командира по тылу. Как-никак столовая – это его вотчина. Еще пара секунд, и генерал с испачканной масляной краской рукой будет громогласно чихвостить «достоинства» возглавляемой им службы с последующими выводами. Надо принимать меры.

– Товарищ генерал! – крикнул он в широкую спину.

– Ну что еще? – генерал остановился на ступеньках столовой и обернулся.

– Разрешите доложить? В обеденном зале общее количество посадочных мест ...

– Какое мне дело до твоих посадочных мест? – настроение комдива было испорчено, и он, хмурясь, протянул руку к двери.

– Товарищ генерал! – отчаянный вскрик заставил всех вздрогнуть. – За истекший квартал экономия хлеба составила 27 %.

– И что теперь, подполковник? Мне тебя перед строем расцеловать за это?

Зампотыл наконец-то протиснулся к двери и, ощущая противную скользкость ручки, распахнул входную дверь. В дверном проеме возникла фигура начальника столовой, сжимающая в объятиях коробки с тушенкой. Он был уверен, что всё начальство направилось в «греческий зал», и нес перепрыгивать свое, как он считал, добро. Не выпуская драгоценного груза, обалдевший от неожиданной встречи прапорщик на автомате отрапортовал об отсутствии происшествий. Встреча с генералом омрачила его. Но еще больше он расстроился, увидев замыкающего процессию зампотыла с зеленой растопыренной пятерней. Он даже интуитивно догадался, об кого начальник хозобоза жаждет вытереть испачканную руку.

– Куда идем? Чего несем? – поинтересовался генерал.

– Идем в варочный цех. Несем дополнительные продукты, – сымпровизировал прапорщик.

– А что, у вас кашу на улице варят? – что-то заподозрил комдив.

– Никак нет. Решил в первую очередь вас встретить.

– Это что же, вы по полдня с охапкой продуктов ходите?

– Приходится ходить, товарищ генерал. Иначе солдаты все спи..., спрут, ...тьфу ты, сопрут. Они же вечно голодные.

– Так вы что, их плохо кормите, раз они голодные?

– Да нет, ну что вы. Вот даже дополнительно продукты в котел закладываем.

Пока офицеры во главе с генералом проверяли санитарию в варочном цеху, начальник столовой со слезами на глазах смотрел, как солдаты вскрывали банки и засыпали в котел с кашей тушенку. В общий котел его, ставшую почти личной тушенку.

Ну вот вроде чистота проверена, и все уселись за стол провести пробу солдатской пищи, а заодно и пообедать. Первая тарелка, естественно, гостю, тем более он отец родной для всей дивизии. Поэтому супа налили щедро, аж по бортик. И солдатик нес тарелку аккуратно, аж язык высунул. Чтоб не расплескать ни капли, он крепко держал тарелку, опустив большие пальцы с траурными каемками грязи под ногтями в ее содержимое.

– Сынок, ты пальцы то в супце не обжег? – заботливо спросил генерал.

– Не-а. Я привычный уже, – засмутился солдатик и вытер испачканные супом пальцы о засаленные на заднице штаны.

– Ну тогда тарелочку эту зампотылу своему отдай, кормильцу нашему. Приятного аппетита, товарищ подполковник. А нам каши принеси, да подносик какой-нибудь найди. Руки на службе обожжешь, а мамка из-за этого дома расстроится.

Шмыгнув носом солдатик убежал, и в варочном цеху послыша-

лись шлепки, сопровождаемые приглушенными стонами. Остальные тарелки приносил уже лично начальник столовой на покрытом белоснежной салфеткой подносе. Все принялись за кашу, а зампотылу уныло хлебал суп, держа ложку зелеными пальцами. Каша сегодня получилась знатная, сытная. Не гречка с волокнами тушенки, как обычно, а куски тушенки с крупинками гречки.

— Это что, нам всю тушенку из котла выловили? — удивился генерал.

— В котле каша вся такая, — уныло отозвался начальник столовой из варочного цеха.

— Хороша каша, но чего-то не хватает, — вынес вердикт комдив.

Все вопросительно уставились на генерала. Внимательно лоящий каждое произнесенное в зале слово прапорщик семафорил зампотылу бутылкой коньяка из окна хлеборезки. Тот сделал свирепую рожу подчиненному, чем обратил на себя внимание проверяющего.

— Что там такое? — генерал обернулся и увидел мило улыбающегося прапорщика.

— Интересуются не желает ли кто-нибудь добавки? — вывернулся офицер.

— Я говорю компота у вас не хватает. А добавки ты себе попроси. Пусть солдатик супчика еще принесет.

Покончив с трапезой, группа отобедавших пошла на выход. У дверей генерал заинтересовался необычной конструкцией. Из стены, разрисованной тропическими цветами и яркой растительностью, торчали сучки, а кое-где засушенные ветки с листьями. Все это отгораживалось от остального помещения металлической сеткой.

— Это что за безумства в столовой?

— В целях психологической релаксации ... — вперед выступил замполит, так как это была его идея, — ... создан вольер с имитацией тропического леса для экзотических птиц, дабы прием пищи проходил под их пение.

— А где экзотические птицы? — прозвучал резонный вопрос.

— Пока одна канарейка, но скоро будет больше, — обнадежил главный полковой специалист по морально-психологическому обеспечению. — Даже эта если запоет — заслушаешься.

В самом верху клетки в углу сидела нахохлившаяся желтая птичка и подозрительно смотрела на людей. Комдив довольно хмыкнул и шагнул в дверной проем. Все устремились за ним. Птичка, очевидно находившаяся на одной эмоциональной волне с начальником столовой, обрадовалась уходу гостей и перепорхнула на другую ветку. «Чик-чирик» громко раздалось в пустом зале. Генерал медленно повернулся к замполиту.

— Говоришь, заслушаешься, когда запоет? Ну-ну. Скоро специально приеду, чтоб её песни послушать. Или того, кто вместо неё чирикать будет.

Подсобное хозяйство в воинской части — приварок к солдатским казенным харчам. Лишнему куску мяса всегда будет рад и солдатик в карауле, и прапорщик дома. Хотя когда это кусок мяса был лишним?

С первого взгляда было видно, что в свинарнике порядок навели не за страх, а на совесть. Вольеры для животных побелены, дорожки присыпаны песком, да и сами местные обитатели были чистенькие, розовенькие. Вот свиноматка с

многочисленным приплодом чинно разлеглась на душистых опилках. Вот хряк аппетитно чавкает в блестящем корытце. Искушенный в парфюмерии нос даже мог уловить витающий одеколонный запах. Любого умилит эта идиллия. И генерал подобрел, отлегло у него от сердца.

– Молодцы! Можете, когда захотите.

– Стараемся, товарищ генерал, – зампотыл выступил вперед.

– Молодец, подполковник, – комдив протянул руку для поощрительного рукопожатия, но, увидев зеленую ладонь растроганного офицера, неформально похлопал его по плечу. – Вот здесь и другим с тебя пример брать надо. Все чисто, опрятно, даже таблички на вольерах уставные.

Надев очки и склонившись к надписи, генерал прочитал вслух: «Свиноматка капитан Голытьба». Свиныя в ответ громко хрюкнула. Комдив изумленно посмотрел на офицеров и шагнул к соседнему вольеру, где озвучил надпись «Хряк капитан Бубнов». Свин хрюкнул и вопросительно обернулся на проверяющего. Дело было в том, что солдаты, особо не заморачиваясь на придумывание кличек, называли животных по указанному на табличках фамилиям, и те со временем свыклись с ними.

– Это что такое? – генерал разводил руками, не находя подходящих слов для выражения эмоций.

– Товарищ генерал! Солдат на все подсобное хозяйство один, и поэтому для ухода за каждым животным закреплено подразделение, командир которого обозначен на табличке.

– Подполковник, да ты сам понимаешь, что здесь написано?

Я тебе поясняю смысл, а их тут два. Либо у вас в воинской части хряк Бубнов дослужился до капитанского звания, либо капитан Бубнов – хряк, то есть свин, а не командир роты. Что ты конкретно имел в виду, когда эти таблички писал? – И тут запас его терпения иссяк: – Убрать немедленно. А то вы и мне какого-нибудь борова в подшефные запишите.

Генерал попытался оторвать табличку, но та была прибита на совесть.

– Молоток сюда немедленно.

– Солдат, молоток сюда. Быстро, – гаркнул зампотыл.

Через пару мгновений зампотыл проклял все и вся. Уж лучше бы он сам раз пять ... нет десять... да хоть двадцать раз сбегал бы за треклятым молотком. Солдат – рабочий подсобного хозяйства – по командирскому зову появился моментально. Да лучше бы он пять минут шел... нет – лучше бы проигнорировал команду... да хоть в самоволку ушел, и то это был бы лучший его поступок, чем добросовестная исполнительность.

Обернувшись, генерал выпучил глаза и изумленно открыл рот. Вы когда-нибудь видели неандертальца? Хотя нет, они же в шкурах ходили. Ну тогда африканского туземца? Хотя они голые ходят. Может, тогда советского беспризорника, доехавшего в угольном ящике от Бреста до Хабаровска? Хотя уголь так не воняет. Короче, представьте себе африканского неандертальца, проехавшего через всю страну в ящике с навозом. Представили? Так вот такое существо сейчас протягивало генералу молоток. А что вы хотите от солдата, если ему поставили задачу, чтобы все на хоздворе блестело, сияло и благоухало? Тут уж, изви-

ните, добросовестному бойцу не до себя.

– Это кто? – дрожащий палец указывал на чумазую фигуру с патлатой шевелюрой в камуфлированных лохмотьях и казарменных тапочках. Причем отличить по цвету, где были ремешки тапочек, а где кожа ноги, уже не представлялось возможным.

– Рядовой Молодцов! – представился солдат, приняв строевую стойку.

– Командир полка, – тихо промолвил генерал, держась за сердце. – Я тебя очень прошу. Не как командир, а как отец. Сделай, пожалуйста, чтобы твой подчиненный рядовой Молодцов выглядел, как твои свиньи. Я тебя очень прошу.

В автопарке в стройном ряду застыла подготовленная к осмотру полковая автотехника. На правом фланге блестели наполированные кузовами числящиеся по предназначению командно-штабными, а по повседневному использованию для персонального развоза командования полка машины. Далее возвышались строевые машины – ГАЗоны и ЗИЛы, со свежеекрашенными белоснежными ободами и начерченными гуталином шинами. В завершении строя стояли санитарка, хлебовозка, грузовик с цистерной – АРС и химическая машина – ДДА.

Генерал с офицерами командования расположились перед фронтом строя техники, а в это время с тыльной части продолжала кипеть бурная деятельность наряда по парку. На задние борта грузовых машин прикреплялись только что нарисованные таблички «Люди», обводились по трафарету цифры 60.

– Это вся техника? – сурово спросил комдив.

– Так точно, – шагнул вперед заместитель командира по технической части.

– Какой коэффициент технической готовности?

– 99 процентов, – отчеканил главный полковой технарь.

– Это как же? – удивился генерал. – У вас всего двадцать машин и если одна не готова, то коэффициент должен быть 95%. Откуда 99?

– У нас все готовы, – доложил подполковник и почему-то покраснел. А потом добавил: УАЗик РХБЗ на консервации, и если его выгонять, то мало ли чего. Вот я один процент и скинул на всякий случай.

– Выгоняй свой «всякий случай». Поглядим, мало там чего или много.

– Дежурный, выгоняй РХБЗ, – отдал команду побледневший зампотех.

За спиной генерала дежурный по парку стал разводить руками и делать удивленные глаза: «Как же я его выгоню, если он... Вы же сами знаете, что... Может, все-таки можно как-то объяснить...» Подполковник не мог вступать в дискуссии под носом у генерала, и ему пришлось мимикой убедить прапорщика в необходимости выполнения распоряжения.

– Я надеюсь, инструментами и огнетушителями укомплектованы все автомобили? – генерал не собирался давать послаблений.

– Все, товарищ генерал, – на бледном лице зампотеха ярко запунцовели щеки.

– Ну и чудненько. Сейчас проверим.

Генерал шагнул к первой машине. В это время дежурный по парку вопросительно смотрел на своего начальника. При этом он

энергично махал головой, пожимал плечами и жалобно приседал. Если кто-то когда-то хотя бы листал книгу Алана Пиза «Язык телодвижений», то без труда мог понять смысл его сигналов – «инструменты я не могу родить», «огнетушитель вместе с зажигалкой в кармане не ношу», «лучше сразу застрелите меня, ибо магии и волшебству не обучен». В эмоциональном бессловесном диалоге офицер все же убедил подчиненного, и прапорщик убежал в глубины автопарка.

Внешний осмотр техники показал, что не все так плохо, как ожидалось. Автомобили были старенькие, но ухоженные. Заботливые солдатские руки неоднократно продлевали ресурс живучести технических узлов и агрегатов. Все железное было отполировано, деревянное покрашено, а резиновое навакшено. Дойдя до последних автомобилей, комдив даже подобрел, ибо его подспудные опасения не сбылись.

– Молодец, подполковник, – похвалил он зампотеха. – Можете, когда захотите.

– Рады стараться, товарищ генерал, – офицер козырнул, не веря собственным ушам.

– Так, а где ваш «всякий случай»?

Довольная улыбка угасла на лице офицера. Он молча указал на УАЗик, скромно притулившийся позади строя машин в начале автопарка. Генерал кивнул головой и двинулся к выходу, попутно отдавая распоряжения и рекомендации по обустройству территории. Дойдя до въездных ворот, он открыл рот, собираясь высказать итоговое одобрение технической службе, но внезапная мысль морщиной перерезала его лоб.

– А где УАЗик? Он же тут был.

УАЗик так же скромно стоял позади строя, но уже в конце парка. Генерал насторожился и тихо отдал команду: «Всем стоять на месте. Машину подогнать ко мне, вот сюда, прям сейчас». После оживленной жестикуляции зампотеха автомобиль двинулся в направлении группы офицеров. Машина плавно катила, но ничто не нарушало гнетущей тишины. Этакий «Летучий голландец» в стиле милитари. Когда автомобиль подъехал поближе, то стало слышно натужное сопение. Все-таки по мощности лошадиная сила будет поболее, чем солдатская. Даже чем три добросовестные солдатские силы, катающие гроб на колесах туда и обратно. Заскрипев тормозами, автомобиль остановился в двух метрах от фигуры с шитыми звездами. Из-за руля вылез дежурный прапорщик и выполнил воинское приветствие.

– Кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит? – взгляд старшего командира обводил лица офицеров.

– Наверное, бензина нет, – выдвинул версию замполит.

– Допустим, – голос генерала был тихим и спокойным, и от этого все присутствующие еще больше напряглись. – Бензина нет, а огнетушитель есть?

– Так точно, – прапорщик открыл заднюю дверцу. В салоне лежал 50 литровый огнетушитель на колесиках. Судя по габаритам, он мог очутиться внутри только до сварки кузова на автозаводе.

– Хорошо, допустим огнетушитель есть. А инструмент присутствует?

Прапорщик торжественно извлек из салона хромированный чемоданчик и открыл его. На поро-

лоновых подкладках в индивидуальных ячейках лежали различные ключи, отвертки, пассатижи, трещотки, щупы и еще масса всякой всячины. Все это сияло никелированным блеском. Каждый инструмент украшала трехлучевая звезда, свидетельствующая о пожизненной гарантии качества. Час назад этот чемоданчик лежал в багажнике зампотеховского «мерседеса», который сейчас прятался в запертой на замок мойке.

— И инструменты есть, — голос генерала становился все добрей и добрей. — А теперь посмотрим на двигатель, для которого у вас есть такие замечательные инструменты.

Прапорщик тяжело вздохнул, хлопнул себя по ляжкам, что по пизовскому трактованию обозначало «я вас предупреждал, но котенку пришел ...», и открыл капот. Генерал обессилено оперся спиной о задний борт грузовика. Под капотом было непривычно просторно, ибо двигатель отсутствовал. А что вы хотели, если один УАЗик без дела годами простаивает, а его активных собратьев чем-то ремонтировать надо?

Шаркающей походкой командир дивизии вышел из автопарка на плац. На его спине четко просматривалась загадочная надпись «идюЛ» и чуть пониже цифры ноль и зеркально написанная шестерка. Сзади беззвучно следовало командование полка и дивизионный штабист. Генерал поднял голову и, озираясь, тихо спросил: «Где я?» Сопровождающие офицеры переглянулись. Всем стало, мягко выражаясь, как то не по себе. Одно дело недостатки и недоделки, которые можно устранить, а другое дело — старшего начальника с ума свести. Это можно расценить как террористический акт. А в воен-

ное время за такие дела на месте расстреливают. Командир полка откашлялся и сделал шаг вперед.

— Товарищ генерал, вы находитесь на территории воинской части ...

— Да понятно, — начальник вяло отмахнулся. — Я спрашиваю, где я?

Теперь на попытку разъяснить ситуацию решился начальник штаба.

— Товарищ генерал, в настоящее время воинская часть в составе вверенного Вам соединения дислоцируется на территории Северокавказского региона Российской Федерации.

— Да ты чё? — комдив сделал удивленное лицо. — Я уже понял, что не в Германии. Куда ни сунься, везде бардак. Вы мне лучше объясните, где я?

Вперед вышел офицер управления дивизии. Наступил его черед сориентировать «потерявшегося» начальника.

— Товарищ генерал, мы с вами сегодня утром выехали проверять.

Генерал сорвал с головы фуражку и шваркнул ею о плац.

— Что вы все из меня дурака делаете. Я знаю, где я нахожусь. Я спрашиваю, где «Я»? — и он ткнул пальцем прямо перед собой. На противоположном краю плаца здание украшала надпись «Столовая», в которой отсутствовала последняя буква.

Все начавшееся когда-то заканчивается. Вот и командир дивизии, сядя в машину, подзвал командира полка для напутственного слова. Дивизионного офицера он оставил в роли наблюдателя с поручением тщательной проверки устранения всех выявленных недостатков и последующим немедленным докладом в любое время дня и ночи.

Замы выстроились неподалеку для получения возможных ценных указаний, и к ним, изо всех сил сдерживая улыбку, обратился подполковник-наблюдатель.

– Пользуясь случаем, разрешите довести проект приказа командира дивизии по итогам сегодняшнего дня. Позволю себе сразу приступить к приказной части. Итак, всё командование полка зачислить в категорию живые трупы с последующим ежечасным расстрелом через повешение до устранения не только выяв-

ленных, но и успешно скрытых недостатков. В противном случае: начальника штаба сдать в архив, зампотеха отправить на разукомплектовку, зампотыла утилизировать, а замполита предать анафеме.

Его речь прервал подошедший командир полка.

– Товарищи офицеры, больше говорить ни о чем не буду, ранее уже все сказано. Помните, что и в мирное время всегда есть место подвигу. Каждому из вас дан шанс – до утра сотворить чудо. Время пошло...